

6. Рудович, С.С. Октябрьская революция 1917/ С.С. Рудович/ Республика Беларусь.: Энциклопедия: в 6 т. – Минск: БелЭн, 2007. – Т. 5. – С. 552–554.

7. Сидорцов, В.Н. Методология истории: Курс лекций/ В.Н. Сидорцов. – Минск, БГУ, 2010. – 207 с.

8. Степин, В.С. Философская антропология и философия науки / В.С. Степин. – М.: Высшая школа, 1992. – 191 с.

9. Сцяпанаў, В.І. Рэвалюцыя сацыяльная/ В.І. Сцяпанаў, Ю.А. Гусеў// Беларуская Савецкая Энцыклапедыя: у 12 т. – Мінск: Беларуская савецкая энцыклапедыя, 1973. – Т. 9: Рабор – Сочы. – С. 234–235.

ОКтябрьская революция как фактор справедливости в технократическом мире и белорусской истории

Мушинский Н. И.

г. Минск, БНТУ

В 2017 г. отмечается столетний юбилей Великой Октябрьской социалистической революции. Удалённость исторической перспективы позволяет, предположительно, перейти к вынесению объективных справедливых оценок, отстранённых от политической ангажированности в конкретно-исторических условиях как с той, так и с другой стороны. Это представляется вполне целесообразным и необходимым, поскольку Октябрьская революция, как бы то ни было, остаётся выдающимся событием новейшей истории, далеко не утратившим свой общественный резонанс до настоящего времени. Дискуссии по её поводу и через сто лет во многом сохранили свою напряжённость, особенно в суверенных государствах, возникших в наше время на постсоветском пространстве: одни исследователи и публицисты («демократической волны») считают непоправимой исторической ошибкой «коммунистический переворот», повлёкший огромные человеческие жертвы в ходе разгоревшейся вскоре гражданской войны, продразвёрстки, «красного террора», сталинских репрессий и т.д. Другие акцентируют несомненные плюсы, предпочитая не замечать недостатков: преодоление социального неравенства, индустриализация, победа в Отечественной войне, полёт Гагарина в космос, возникновение

ряда национальных государств, в том числе БССР (и современной независимой Беларуси), – всё это, в той или иной степени, – итоги и последствия Октября. С их точки зрения, «исторической ошибкой» являлся распад СССР, перечеркнувший «социалистические завоевания», вызвавший многочисленные социокультурные проблемы (бездуховность, «цветные революции», украинский кризис и т.п.). Обе стороны апеллируют к понятию «исторической справедливости», акцентируя при этом субъективный фактор (как будто, стоило их вовремя осознать, и «ошибок истории» удалось бы избежать, или каким-либо образом можно «исправить» их последствия в настоящее время, осуществить «покаяние», компенсировать «моральный вред» потомкам и т.д.). Между тем, диалектико-материалистическая методология, признавая «роль личности в истории» (в том числе – В.И. Ленина и других «большевистских вождей», совершивших пролетарскую революцию в 1917 г.), главную роль оставляет за объективными факторами «общественного бытия» (философская категория «материи» как «объективной реальности, данной в ощущениях, но не тождественной им»), в силу которых революция не могла не произойти (как, впрочем, и распад СССР). Основным из этих факторов является развитие производительных сил общества, экономического «базиса» той или иной «формации»; соответствие ему (либо несоответствие) идеологической и социально-политической «надстройки» как раз и выражает объективное содержание и критерий справедливости в конкретно-исторических условиях. Диалектика, как теория развития, предполагает, что один и тот же феномен общественной жизни может быть как справедливым, так и несправедливым в разные периоды своего становления (к примеру, сейчас и сто лет назад); всё зависит от его соответствия уровню научно-технического прогресса в его совокупном влиянии на все стороны социокультурного бытия. Осмыслить указанные процессы на этико-теоретическом уровне помогает, в частности, современная «философия техники».

Влияние научно-технического прогресса является в наше время самоочевидным, его констатируют все новейшие философские системы, как марксизм (а также – неомарксизм и постмарксизм), так и разные течения позитивизма (сциентизма), экзистенциализма, постмодернизма, даже фрейдовского психоанализа. Промышленный переворот Нового времени сразу сделал устаревшими и «не-

справедливыми» дворянские привилегии и феодально-монархическую форму правления. Появление заводов и фабрик, широкое внедрение паровой машины и других полезных изобретений привело к изменению социально-классовой структуры, заставило искать новые «более справедливые» формы политической организации, допускающие рыночные отношения и свободную конкуренцию как стимул дальнейшего развития производительных сил. В большинстве западноевропейских стран произошли буржуазно-демократические революции: в XVI веке в Нидерландах, что совпало с освобождением промышленно развитых областей от владычества испанских монархов; в XVII – в Англии, в XVIII – Великая французская революция; при этом диктатура Кромвеля, «Империя» Наполеона и его наследников (Наполеона III и др.), а также последующие «реставрации», явились кратковременными периодами централизации власти в условиях чисто военного противостояния и переходной формой к окончательному «торжеству демократии». По аналогичным военно-политическим причинам монархия более длительное время сохранялась на окраинах европейского континента: Россия и Австро-Венгрия вели борьбу с Турцией (лидером исламского мира), Германия в эпоху Фридриха Великого и канцлера Бисмарка проходила стадию создания национального государства. Тем не менее, эти страны тоже были вынуждены проводить промышленную модернизацию (хотя бы в той же военной области, например – в России реформы Петра I, отмена крепостного права после поражения в Крымской войне), что неизбежно порождало внутрисполитическое противостояние, выразившееся, в частности, в Февральской революции (причём обе стороны были по-своему «правы» с точки зрения принципов социальной справедливости).

Однако промышленный переворот породил не только конфликт «старого» и «нового» в организации общественной системы, но и существенные противоречия внутри зарождающейся структуры, связанные с несправедливым распределением полученной на заводах и фабриках прибыли («прибавочной стоимости»). В условиях ничем не ограниченной «демократии» основная часть созданных материальных благ доставалась собственникам средств производства («капиталистам», «буржуазии»), а не гораздо более многочисленному классу наёмных работников («промышленному пролетариату»). Устранить эту несправедливость поставили целью многочисленные

рабочие партии, появившиеся в конце XIX века. Организуя забастовки и демонстрации, представляя интересы «трудящихся» в свободной прессе, парламентских дискуссиях, они боролись за «восстановление социальной справедливости». Часть из них выступила с экономическими и умеренными политическими требованиями: повышение зарплаты, сокращение рабочего дня, введение пенсий, оплачиваемых отпусков и выходных дней, пособий по безработице, легальных способов защиты своих прав – доступа к печатным изданиям, участия в парламентской деятельности и т.п. Именно эти требования путём постепенных законодательных уступок были в конце XX века реализованы в «западных» промышленно развитых странах (несомненно, свою роль сыграл наглядный пример Октябрьской революции: буржуазия осознала шаткость своего положения и согласилась во имя справедливости «пожертвовать частью, чтобы не потерять всё»). Таким образом, промышленные рабочие успешно ассимилировались в капиталистическое «общество справедливости», пополнили «средний класс», излишки заработной платы в свою очередь вложили в акции предприятий, стали получать дивиденды от их прибыли, окончательно утратили «революционность». Противостояние переместилось в другие области (на это указывает современная философия нео- и постмарксизма): истинным «угнетённым пролетариатом» попеременно становились женский пол (движение феминизма, «сексуальная революция»), учащаяся молодёжь (студенческие «бунты» 1968 г.), население слаборазвитых стран «третьего мира» (практика международного терроризма, «миграционный кризис» начала третьего тысячелетия). Эти коллизии ещё требуют инновационных решений в будущем, пока они существуют – до установления подлинной справедливости во всём мире ещё далеко.

Совсем иначе обстояло дело на рубеже XIX–XX вв.: рабочий класс реально оставался «угнетённым сословием», которому «ничего терять, кроме своих цепей», в том числе – в западноевропейских странах; он активно боролся за свои права, «за социальную справедливость», причём далеко не всегда легитимными средствами. Наиболее радикальные рабочие партии («классический» марксизм) требовали полного сосредоточения власти в своих руках и окончательной отмены частной собственности на средства производства (т.е., по сути, «диалектического синтеза» западных промышленных

технологий и восточной авторитарной структуры управления), считали это единственным возможным условием достижения справедливости в её логическом завершении.

Парадоксально, что реализовать этот проект впервые удалось в странах с отнюдь не самым передовым уровнем промышленного производства (соответственно, рабочим классом как его составляющей); наоборот, – с многовековой аграрной структурой, санкционированной централизованной монархической властью и религиозной идеологией (всё это требовало радикальной модернизации в условиях наступившего в остальном мире научно-технического переворота). Это были Россия и Китай (и сопредельные регионы), примерно в одно и то же время проигравшие западной коалиции Россия – Крымскую войну, Китай – «опиумные» войны; при этом именно России, несомненно, принадлежал исторический приоритет: коммунисты здесь пришли к власти в 1917 г. впервые в мире, в Китае же это произошло почти на полвека позже и, очевидно, под влиянием исторического примера СССР (а также – при его прямой военно-политической поддержке).

Можно предположить, что для российской революции роль катализатора сыграла Первая мировая война, в которой Китай, разумеется, не мог столь же активно участвовать. Научно-технический прогресс предполагает не только механизацию производства, но и развитие средств коммуникации (транспорта и связи). На этой основе уже в конце XIX в. наступила «первая волна» глобализации, когда паровоз, пароход, телеграф, телефон и радио охватили весь земной шар, объединили материальные ресурсы самых удалённых регионов. Возникла проблема политического синтеза, создания единого правительства, «империи» в мировом масштабе (которая ещё не решена до настоящего времени), и промышленно развитые страны развязали с этой целью «империалистические войны», начали между собой вооружённую борьбу за рынки сбыта, сферы влияния и, в конечном итоге, за «мировое господство». Российское самодержавие, выступив на стороне Антанты против Тройственного союза, оказалось в наиболее сложном положении после того, как мировая война вступила в затяжную позиционную фазу (когда технические средства обороны – пулёмёт в сочетании с колючей проволокой – оказались сильнее любых наступательных порывов). Российскому кризису способствовала как промышленная отсталость

(в сравнении с другими западноевропейскими странами), которую так и не смогли окончательно преодолеть половинчатые экономические реформы царского правительства, так и преимущественно аграрный характер хозяйственной системы. Частные поставщики оказались неспособны обеспечить материальными ресурсами массовые армии, уже комплектовавшиеся на основе всеобщей повинности (знаменитый «снарядный голод» 1915 г.). В то же время, простые крестьяне «в солдатских шинелях» ощущали как разительную несправедливость то, что одни богатеют на военных поставках, а другие годами «сидят в окопах» без всякой надежды на скорую победу, в то время как дома их хозяйство приходит в упадок, а сезонные сельхозработы остаются не выполнены. На рубеже 1916-17 гг. удержать солдатскую массу на линии фронта уже было невозможно никакими средствами: царь с этой целью сначала принял верховное командование, а потом вообще отказался от власти; Временное правительство попыталось «вдохновить» солдат демократическими лозунгами (отмена чинов, созыв комитетов, проведение митингов), направило по фронтам агитаторов, создало из имевших до этого освобождение от службы добровольцев «ударные батальоны смерти», женские части, национальные формирования (воевавшие впоследствии в Гражданской войне на обеих сторонах – чехословацкий корпус, петлюровцы, «красные» латышские стрелки и китайские «интернационалисты»), монголы барона фон Унгерна – «нового Чингисхана» и т.п.), - всё было напрасно, фронт разваливался неотвратимо.

Между тем большевистская рабочая партия изначально выступала с пораженческими призывами «превращения империалистической войны в гражданскую», поскольку ставила «классовую солидарность трудящихся» выше национальных и государственных различий («пролетарии всех стран – соединяйтесь!»). В 1917 г., когда первоначальный «патриотический» энтузиазм всех враждующих сторон уже иссяк в условиях затяжной позиционной войны, поставившей стратегический человеческий ресурс на грань «промышленного» самоуничтожения без всякой надежды на победу; когда все понимали, что война «зашла в тупик», но не знали, как её прекратить, поскольку ни одна из сторон так и не достигла окончательной «справедливости», – большевистский план неожиданно оказался востребован. Возникла мысль о том, что простые солдаты с обе-

их сторон должны взять дело войны и мира в свои руки, самоорганизоваться в «Советы депутатов», консолидироваться с трудящимися тыла (рабочими и крестьянами), самим заключить мир «без аннексий и контрибуций» по примеру стихийных фронтовых «братаний», и разойтись «по домам». Заинтересованных в продолжении войны капиталистов (обогащавшихся на военных поставках) и офицеров с генералами (получавших чины и ордена «на солдатской крови») следовало подавить силой оружия. Этот план, в целом, оказался реализован (в первую очередь в России, по указанным выше причинам), с чем связано «триумфальное шествие советской власти» 1917 г.

В дальнейшем, однако, возникли сложности: в силу неоднородности социального состава враждующих сторон остановить военные действия на всех фронтах одновременно не получилось (не осуществился план «перманентной мировой революции»), пришлось заключать на самых унижительных условиях Брестский мир («похабный», по словам Ленина). Значительная часть российского общества его не признала и попыталась в глубине территории организовать для продолжения германской войны новую Добровольческую армию (при поддержке Антанты), что в дальнейшем привело к развязыванию Гражданской войны и к иностранной интервенции. Частная «мелкобуржуазная» собственность на землю не позволила организовать нормальное снабжение городского населения (это послужило одной из причин краха царского режима, «мужички» попросту «придержали хлеб», ожидая повышения закупочных цен), поэтому, опираясь на рабочие «красногвардейские отряды», пришлось перейти к практике «военного коммунизма» и «продразвёрстки». Тогда «мужички» вообще перестали работать, начался массовый голод, его сопровождали крестьянские восстания в ряде областей и Кронштадтский мятеж; только экстренный переход к практике НЭП частично спас положение в стране. В дальнейшем, уже в советские времена, крестьянство посредством «коллективизации» всё же удалось поставить под контроль «социалистического государства», провести на этой основе индустриализацию страны, через четверть века после «великого Октября» под новыми лозунгами и в новой обстановке одержать окончательную Победу над германским реваншизмом и, ещё позже, в конце XX века, «на равных» вести ракетно-ядерное противостояние с США (и их сателлитами) в «холодной войне». В этом

и состоял, в конечном итоге, всемирно-исторический смысл Великой Октябрьской социалистической революции, обусловленный общими тенденциями технократического развития мирового социума.

В конкретных условиях пришлось отказаться от идеи «мировой революции» и создания единой «советской республики», «общества социальной справедливости» в глобальном измерении (после неудачной советско-польской войны 1921 г., когда у поляков национальный интерес возрождения утраченной в 18 в. государственности возобладал над «классовой солидарностью», не позволил перенести «революционный пожар» дальше – в Германию, Европу и на другие континенты). Переход к более реалистической концепции «построения социализма в отдельно взятой стране» сопровождался драматическими коллизиями внутривластной борьбы «троцкистов» со «сталинистами», «чистками» и массовыми репрессиями 1937 г. Ещё один важный исторический итог событий Октября 1917 г. это то, что в ходе всех многочисленных исторических пертурбаций многие народы на территориях распавшихся крупных империй (Российской, Османской, Австро-Венгрии и др.) получили национальную независимость, поскольку «ідея нацыянальнага вызвалення... ідея незалежнасці народу гэта ідея справядлівая» [1, с. 18]. Это в полной мере касается современной суверенной Республики Беларусь, которая через историческую преемственность (БССР, ЛитБелССР, ССРБ, БНР) генеалогически несомненно связана с процессами национального возрождения, политически оформленными в ходе Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г.

Использованная литература

1. Суліма. «Гэтым пераможаш! ...» (Нарысы крытычнага аптымізму) // Заходняя Беларусь: Зборник. Кн.1. – Вільня, 1923. – 123 с.

ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА КАК ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЕКТ

Панченко А. В.

г. Минск, БНТУ

Корифеи социально-политической науки XIX в. – К. Маркс и Ф. Энгельс разработали целостное учение, в котором принципи-